

JAROSŁAW J. GRZĘDOWICZ

PAN LODOWEGO
OGRODU

TOM 1

ЯРОСЛАВ ГЖЕНДОВИЧ

ВЛАДЫКА
ЛЕДЯНОГО САДА
НОЧНОЙ СТРАННИК

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.111
ББК 84(4Пол)
Г45

Серия «Шедевры фэнтези»

Jarosław J. Grzędowicz
Pan Lodowego Ogrodu. Том 1

Публикуется с разрешения автора и при содействии
Владимира Аренева и Сергея Легезы
Перевод с польского: *Сергей Легеза*
Дизайн обложки: *Юлия Межова*
В оформлении обложки использована иллюстрация
Михаила Емельянова

Подписано в печать 23.08.2018.
Формат 84 x 108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 26,88.
Тираж экз. Заказ № .

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© 2005 by Jarosław J. Grzędowicz
© Сергей Легеза, перевод, 2016
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2018

ГЛАВА 1

НОЧНОЙ СТРАННИК

Прежде чем в дом
войдешь, все входы
ты осмотри,
ты огляди —
ибо, как знать,
в этом жилище
недругов нет ли.

*Речи Высокого*¹

Рассказывали, что вышел он прямо из волн Полуночного моря и что зачала его их ледяная, яростная безбрежность, а на свет выпустила обрюхаченная морем утопленница.

Рассказывали, что вышел он из Пустошей Тревоги, где возник как плод чьей-то нечистой мысли, непохожий на другие Тени. Непохожий, ибо во всем подобный человеку.

Говорили, что был он сыном Хинда, бога воинов, зачатый со смертной женщиной во время одного из странствий бога по миру в облике бродяги.

¹ Цитаты из песен «Старшей Эдды» даны в переводе А. И. Корсуна.

Говорили, что породила его молния, убившая стоявшую на дюнах Сикрану Соленый Ветер, дочь великого мореплавателя Стигинга Кричащего Топора. Стояла та на прибрежном камне, одинокая в бурю, высматривая на горизонте паруса корабля своего любимого. Мертвая, выпустила она в мир огонь и воителя.

Говорили, что появился он прямо из ночи, едучи на огромном, словно дракон, коне, с ястребом, сидящим на плече, и волком, что бежал рядом.

Говорили разную ерунду.

Было же все совсем иначе.

Правда такова, что выплюнули его звезды.

* * *

— **У** тебя пятнадцать минут, — объясняет Джофа. Объясняет раз в десятый. Я сижу, пристегнутый внутри кокона, чудесное мое оборудование заполняет все закутки капсулы; вокруг вертятся техники в ярко-красных комбинезонах, кто-то подсоединяет толстый кабель и сыплет проклятиями; взблескивают оранжевые аварийные огни, какой-то механизм то и дело блюет клубами густого пара. Я не готов.

Я не готов.

— Помни. Ты должен отойти как минимум на полкилометра и пригнуть голову. Взрыв не будет очень громким. Капсула испарится, но тебя может ударить камнями, кусками дерева или еще чем. Будут две ударные волны. Первая — нормальная, от взрыва, потом — возвратная, секунды через три.

Первый рык сирены. Капризный дамский голос начинает отсчет. Теперь — каждые десять секунд от

шестисот. Я не готов. Сейчас меня отстегнут, а потом мы отправимся в столовую.

Не понимаю, как я мог в такое влезть. Джофа поправляет какие-то кабели снаружи капсулы и украдкой всовывает в тюк пачку табака.

— Как вы себя чувствуете? — В наушниках металлический голос Новикова. — У вас повышается пульс.

— Даже не знаю, с чего бы, — цежу я в микрофон. Глупый коновал.

Чувствую себя как древний мертвый владыка. Привязанный к трону, который через минуту охватит пламя. Передо мной шествует процессия плакальщиков с дарами. Я уже получил швейцарский складной нож и бутылку палинки от кого-то из земляков. Все нелегально. Артефакты. Анахронизмы. Руководство миссии старалось, чтобы у меня не было даже зажигалки.

Дары посмертные.

Не хватает только плакальщиц.

Они должны были побеспокоиться о плакальщиках.

Пятьсот секунд.

Я не готов.

— Ты как? — Это Дейдре. Рыжие кудряшки спрятаны под капюшоном, красивые губы дрожат, в глазах — блеск драгоценных камней.

Все же одна плакальщица у нас есть. Не задалось наше короткое знакомство, рыжая моя Дейдре из Дерри (что некоторые ошибочно зовут Лондондерри¹). Да ты

¹ Приставку Лондон- к ирландскому городу Дерри своим указом добавил Яков I в XVII веке. Ирландские националисты поныне настаивают на названии Дерри — в отличие от юнионистов, сторонников политического союза с Великобританией, использующих название Лондондерри

и сама знала, что у нас ничего не выйдет. Эдакий прифронтовой роман.

Я лишь поднимаю большой палец. Цифрал пока неактивен. Не могу отрегулировать свои эмоции и изобразить крутого. Мне тоже жаль, рыжая Дейдрре из Дерри.

Но слишком поздно, даже чтобы просто что-то говорить.

Это мой костер сейчас подожгут.

А ты не поцелуешь меня через маску.

Так уж вышло, что именно ты — настоящая командос, Дейдрре. Истинный «морской котик». Лейтенант Морского отряда специальных операций. А я — лишь гражданский шпак. Доброволец в разведке, прошедший годичное обучение.

Ты круче меня.

Вот только сейчас я исчезну в облаке пламени, а ты отправишься в столовую.

Протягиваю руку, Дейдрре хлопает меня в ладонь. Так между нами повелось. Нет времени для сцен.

А потом кто-нибудь умирает без прощания.

Восьмеро до сих пор не вернулись. Я должен лишь проверить, что с ними произошло. Скорее всего — идентифицировать тела. Прошло два года. Однако, если выжили — вытащить их, исправить то, что они наворотили. И вернуться.

И я вернусь, хрен вас подери.

Триста пятьдесят.

Клапан капсулы опускается под визг сервомоторов, он выпуклый, словно хитин майского жука. Слышу щелчки затворов.

Дейдрре целует семнадцатислойное стекло треугольного визора. На бронированной поверхности остается след ржаво-коричневой помады.

Красивые губы Дейдрде отпечатываются на моем саркофаге, как подсыхающая кровь.

Стальной скрежет в верхней части капсулы. Щелчок, с которым челюсти входят в причальное гнездо.

Все контрольные экраны сияют зеленью и голубизной.

— Ночной Странник, здесь Контроль. Начинаем сброс. Как чувствуешь себя, Драккайнен?

— Готов.

— Ты уже на транспортной шине, движемся в сбросовую камеру.

— Понял.

Всю дорогу Контроль опрашивает меня согласно процедуре и показаниям приборов — наверняка, просто чтобы чем-то меня занять. Это ведь не челнок.

Это посадочная капсула. Она — устройство. Я ни на что не влияю. Старт и посадка произойдут автоматически.

Я должен стиснуть зубы на капе загубника и помнить о дыхании. Максимально расслабиться, думать о Европе и стараться получить от всего этого хоть немного удовольствия. И только.

Что-то вроде пневматической почты.

— Как чувствуешь себя, Нити'сефни?

Нити'сефни — Ночной Странник. Мой позывной. Произнесенный на горловом наречии Народа Побережья. Кроме меня, может, человек двадцать знают этот язык. Узнаю голос. Это Лодовец. Шеф миссии. Симпатичный дядька с добродушным, совершенно гуманитарным обликом профессора философии из какого-нибудь уважаемого университета. На самом деле беспощадный, словно клубок кобр, дьявол, который и искусил меня

присоединиться к программе. Теперь он решил, что должен попроситься лично. Что это наверняка произведет на меня необходимое хорошее впечатление.

— Как груз, шеф.

— Будет как в луна-парке. Тебе понравится.

Коридор, по которому движется мой кокон, освещен флуоресцентными кольцами ламп, за мной закрываются шлюзы.

Я сам хотел этого.

Не вижу звезд.

Не вижу также и планеты, которая скоро станет моим единственным миром.

Когда отворится шлюз сбросовой камеры, это все находится внизу, под капсулой. Я могу смотреть на стену, раз за разом окатываемую оранжевым светом аварийной лампы.

В наушниках — шум. Контроль проверяет последние параметры, напыщенная сука начинает посекундный отсчет. Что за голос — обиженная валькирия накануне менструации. Надеюсь никогда ее не встретить.

— Хочешь что-то сказать?

— Я невиновен.

Последний звук моего мира — лязг стыковочных узлов, скользящих по броне, и сдавленный рокот движка.

Я не готов...

А потом уже нет никаких звуков снаружи, кроме голосов в наушниках. Я издаю радостный ковбойский вопль и падаю.

Такое раскованное поведение — традиция. Я отважен, крут и бессмертен.

Это в самом деле начинает мне нравится.

Почти ничего не рассмотреть. Все клокочет, звезды размазываются зигзагами, однако на миг я вижу «Манту», висящую на небосклоне подобно широкому наколочнику киберийской стрелы. Затем она моментально уменьшается и превращается просто в звездочку, не отличимую от прочих. Прощайте, налоги, процедуры и предписания. Прощай, цивилизация. Прощай, сладкая Европа. Пусть твой бык унесет тебя к чертовой матери.

Конец.

И хрен вас всех подери.

Я стараюсь дышать нормально, но мне кажется, что кишки вылезают у меня через горло. Кожа лица растягивается в гримасе, и я начинаю слепнуть. Чувствую, как кровь отливает от пальцев, как деревенеют ноги.

На треугольном визоре вижу отпечатавшиеся губы прекрасной Дейдрре из Дерри. Кровавый след от поцелуя остался, но вот и его сдирает кокон яростного огня, расцветающий вокруг капсулы.

* * *

Никто меня не ждет. Высокий скалистый берег моря чист до самого горизонта. По границу поросших редкими кустиками соленых топей, за которыми маячит темная линия леса.

Полное безлюдье. Это хорошо. Если бы кто-то встречал меня здесь — пришлось бы его убить.

И это не шутка.

Миссия сугубо секретная. Официально нелегальная. Весь этот мир — под абсолютным карантинном. С момента краха исследовательской программы карантин

безоговорочен. Первая антропоидная цивилизация в исследованном космосе. Бесценная. Они не должны узнать, что неодинокими во Вселенной. Нам же не позволено копаться в их культуре, что-то исправлять. Кто мы такие, чтобы судить, и все такое прочее. Все, что я делаю, само мое существование насилует предписания, торжественно заверенные в Брюсселе. Лодовец, с точки зрения идеологии невмешательства, — преступник. Рискует вызвать культурный шок, чтобы спасти нескольких людей. Нескольких личностей. Ну, может, еще хочет понять, что здесь вообще происходит.

И все — противу любых директив.

Мне это совершенно не мешает.

Я приземляюсь с точностью до одного метра в каких-нибудь пятидесяти шагах от края скального обрыва. Парашют типа «крыло» и гравитационные маневренные движки.

Жду пять минут, пока поверхность не остывает настолько, что можно выйти, а потом отстреливаю защелки крышки и отстегиваю пояс.

Капсула, стоящая в кругу выжженной травы, выглядит как треснувший плод.

У меня мало времени. Не могу глазеть на окрестности. Все следы моего прибытия должны как можно быстрее исчезнуть.

Нужно вытащить все оборудование, какое я должен прихватить с собой. Сложить парашют и затолкать его в люк. А потом нагрузиться пожитками и запустить отсчет.

Вещи я переносу в щель в скале. Набитые переметные сумы, седло, мешок, оружие. Воздух холоден и чист, просвечен яростным, невероятным пламенем зака-

та. Это единственная чужая планета, которую я видел в своей жизни. Как большинство людей, я никогда не покидал Землю. И потому никак не могу понять, почему все выглядит так повседневно.

Обычно.

Трава как трава. Растения как растения. Слегка чужие, но не больше чем в какой-нибудь Бразилии или Австралии. Небо над головой, закат солнца, морские волны бьют в берег — все совершенно нормально. Как на полигоне в Коста-Верде. Как дома под Сплитом.

Как везде.

Мне жаль парашюта. Несколько десятков квадратных метров фольги. Прочнейшая и легчайшая, чем все, что смогу здесь встретить, ткань. Множество прекрасных веревок, сплетенных из арахнида. На каждой можно подвесить вола. И все это мгновенно обратится в пар, а месяцы убийственных тренировок выработали у меня инстинкт мусорщика: каждая найденная вещь может пригодиться. Поэтому мне нелегко расставаться с парашютом. Теряю его зря и уже вскоре, сражаясь с каким-нибудь непрочным канатом, стану о нем тосковать.

Я поднимаю крышку детонатора, поворачиваю ключ, ввожу код из шести цифр, а потом отгибаю выкрашенную в красное рукоять, поворачиваю ее и вытаскиваю на всю длину.

Ничего.

Вместо квадратных цифр отсчета вижу на экране строки машинных кодов, потом какие-то значки и — один за другим — сообщения об ошибках.

Мне делается горячо.

Одна из загадок этого мира.

Одна из тех, которые я должен выяснить.

Мидгард — смертельная зона для электроники. Здесь все барьеры, которыми дома мы окружены с момента рождения по час смерти, очень быстро начинают колебаться, затем выходить из строя, а потом — умирать.

Первая экспедиция даже не смогла стартовать. Спасательный модуль, который за ними послали, после старта сумел выйти только на орбиту, а минутой позже все оборудование сдохло. Даже свет в кабине погас, а модуль лег в дрейф. Пришлось его вылавливать. Все выжили, но потом пришлось выбросить даже часы.

Челнок, прибывший за последней экспедицией, ждал в условленном месте всего полчаса. Когда вернулся, едва не разбился о стыковочный модуль материнского корабля.

Теперь я не знаю, пущен ли отсчет и просто отказал экран, или команда на самоуничтожение не принята. Если я ошибаюсь, буду сидеть здесь и долбить в клавиатуру, пока гипертермобаррическая бомба не оживет под моими ногами.

Конец миссии.

Чувствую, что полотняная рубаха делается мокрой. Нервно стучу по мертвым клавишам, вводя процедуру задержки, потом перегружаю оборудование ключом.

Оно перегружается, но все идет в три раза медленнее, чем обычно. Снова ключ, коды, ввод. На этот раз отсчет начинается. Некоторые цифры выглядят странно, словно буквы чужого алфавита.

Удостоверяюсь, что отсчет пошел, и галопом несусь к скалам.

Взрыв догоняет меня метрах в двухстах.

Я вижу ослепительный свет и даже не успеваю упасть. Ударная волна сметает меня, будто цунами, и волочет по

грязи и мху болота. Рот мой полон грязной воды, одна рука и спина горят, словно облитые кипятком.

Через полсекунды ударная волна возвращается. Воздух заполняет сферу пустоты в эпицентре.

Вывод прост: детонатор сработал после первого раза. Едва не накрыло.

Вокруг места, где находилась моя капсула, образовалась округлая выемка, словно выгрызенная в скале, и кольцо обугленной травы. Над всем этим встает грибоподобное облако, как миниатюрный ядерный взрыв.

И приказал сжечь на берегу все корабли.

За кольцом скал, где я сложил оборудование, сажусь на плоский камень и опираюсь спиной о гранит. Смотрю в темное небо. Слушаю чужие тоскливые крики птиц.

В нашем мире непросто найти пустошь, в которой не было бы ничего, кроме природы, неба над головой и сидящего на камне человека. Человека, которого обязывает только закон в его сердце. Всю мою жизнь, где бы я ни оказался и что бы ни делал, мною управляли миллионы правил. Тысячи чиновников форматировали любую мою мысль и поступок. Для всего находилась процедура. Меня все время пытались контролировать и оберегать от любого риска. Всю жизнь я ощущал себя так, словно мне двенадцать лет. И словно у меня миллион родственников.

Здесь меня никто не опекает. Могу напиться, подвернуть ногу, взлететь на воздух из-за собственного термического оборудования или провалиться в какой-нибудь колодец. Все — на собственный страх и риск.

Боже мой, какое облегчение!

Под кипой вещей я нахожу плоскую пластиковую бутылку палинки «Монастырь» и делаю изрядный глоток,

